

Олег Назаров

ИЛЛЮЗИИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

«Иллюзии Красной Шапочки» — замечательный пример легкой и в то же время философской прозы. Небольшие рассказы, сюжетные зарисовки, несмотря на свой миниатюрный объём, содержат совершенно удивительные самодостаточные истории.

В книге собраны разножанровые тексты — трогательные любовные истории и остросюжетные детективы, семейные драмы и литературные пародии. Во всех произведениях затронуты темы жизни и смерти, свободы и несвободы, права на выбор и ошибку, иллюзий и реальности. Несомненно, читателям придет по вкусу и тонкий авторский юмор, без которого было бы сложно жить и противостоять горестям.

Олег Нагорнов

ИЛЛЮЗИИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

Кукла Мэри Шелли

Окно распахнуто. Теплый, летний ветер придиричиво перебирает бумаги на столе, унося прочь ненужные письма и неудачные эпизоды. Некоторые из них еще можно спасти, вернуть. Они не улетели далеко. Достаточно выйти из маленького

коттеджа на улицу, и подобрать чернильные мысли и бумажные воспоминания с зеленого газона. Но выходить и возвращать не хочется.

Маленькая кукла в изящном бальном платье не сводит нарисованных глаз с истощенной болезнью женщины. Когда она впервые заговорила? Наверное, в тот день, когда у Мэри больше не осталось собеседников. Все ее герои мертвы.

— Ты любила его?

— Кого? — удивилась Мэри.

— Его! — упрямо повторила кукла.

— Его, — улыбнулась женщина, — его любили все!

— Расскажи мне, — попросила фарфоровая подруга, гуляя по тяжелому письменному столу, с недавних пор напоминающему Мэри надгробие.

1

— Мэри, Мэри, ты упряма, — напевала Мэри.

Мисс Годвин любила непокорную шотландскую королеву. Любила так же, как собственную мать, покинувшую мир с ее первым криком. Образы двух женщин слились в сознании в единое целое, благо говорили о них в окружении отца часто и с восхищением.

— Мэри, Мэри, ты упряма. А Перси — идиот!

Песенка кончилась, туман над Женевским озером рассеялся, из маленького коттеджа доносился веселый смех ее друзей.

— Мэри! — громко позвала ее Клэр, — Мэри, Мэри!

— Ты упряма! — громко закончил мистер Шелли, заливаясь хохотом.

Мэри Годвин обиделась и ушла полчасика назад. И если ее муж настолько слеп, что не заметил этого, пусть пеняет на себя.

— Мисс Годвин, — лорд поклонился, пряча улыбку.

— Миссис Шелли, пожалуйста!

Тон Мэри не оставлял ни малейшего сомнения в серьезности ее намерений. Улыбка исчезла. Перси нахмурился. Байрон обворожителен, когда не ленится быть обворожительным, но и ему не будет пощады.

— Прости, дорогая Мэри! Это все проклятая память, окончательно утраченная из-за этого проклятого лета! Ты же знаешь, я никогда бы не посмел обидеть тебя.

Что же, лорд умеет быть не только обворожительным, но и искренне-обворожительным. Учитесь, Перси! Ах, вот и он, спешит на помощь другу:

— Мэри, мы тебя так долго искали, Клэр чуть с ума не сошла!

Мисс Годвин улыбнулась. Сестра любит ее и любит сходиться с ума. Как гармонично устроен мир! Но Байрон прав, лето выдалось неудачным; холодным, туманным. Вот и теряют память поэты.

— Давайте пить чай! — предложила Клэр.

— На улице опять идет дождь, — улыбнулся лорд, — так что давайте сделаем вид, что соскучились по родине, и зальем тоску местным крепким бальзамом. С чаем, разумеется! — добавил он, поймав взгляд девушек.

Клэр осторожно поднесла чашку к тонким губам, но вдруг передумала, поставила изящный фарфор на блюде, и умоляюще взглянула на друзей.

— Лорд, Перси, дорогая сестра! Обещайте мне, что сегодняшней вечер пройдет без ваших ужасных историй о приведениях и оживших мертвецах. Клянусь, я потом не могу уснуть до рассвета!

Байрон рассмеялся, изящным жестом открыл новую бутылку.

— Милая моя, мы обещаем, что будем говорить исключительно об этой омерзительной погоде, или же на любую другую скучную тему! Но вот за Джона мы ручаться не можем. Он сейчас в кабинете режет на части несчастных лягушек, но позже он спустится к нам и, безусловно, начнет делиться результатами своих чудовищных опытов.

Так что выбирай, или подробности экспериментов доктора Полидори, или наши невинные сказки!

— Не велик же у меня выбор! — воскликнула мисс Клэрмонт, — Или всю ночь вздрагивать от омерзения, или до зари дрожать от страха!

— Я приду к тебе в комнату, обниму, и ты сразу уснешь, — пообещала Мэри.

Клэр благодарно улыбнулась.

— А как же я?! — негодуяще воскликнул Перси, — Кто прогонит мои страхи, кто утешит меня во мраке ночном?!

— Ты можешь обнять лорда, — посоветовала Клэр.

— Или Джона вместе с лягушками, — закончила Мэри.

Байрон расхохотался, а мистер Шелли сделал обиженное лицо и демонстративно отвернулся к окну.

Ночь прогнала дождь, зажгла яркие, чужие звезды над озером и уютным коттеджем на берегу. На этот раз маленькая компания собралась в кабинете доктора. Обстановка в мрачной комнате на втором этаже вполне располагала к леденящим кровь историям, которыми друзья пугали друг друга. Но сегодня, помня об обещании данном Клэр, рассказчики вели себя подчеркнуто сдержано. Доктор, не слышавший «чайной клятвы», с вежливым недоумением мужественно терпел

неторопливые беседы о погоде, шотландском виски и музыке. Но через полчаса его итальянская кровь вскипела, и он воскликнул:

— Друзья! Если вы хотите, чтобы я умер от скуки, то продолжайте рассказывать свои колыбельные. Однако я обещаю, что буду являться каждому из вас в облике призрака в ночном колпаке, и мучить речами об ирландском клевере и валлийских гербах!

Все рассмеялись и, наконец, поведали доктору о мольбах мисс Клэрмонт, и поспешной клятве Джорджа Байрона.

— Это не беда, — улыбнулся Полидори, — ведь я-то не присягал на пудинге! Но я так же, как и вы, люблю нашу маленькую Клэр, и вовсе не хочу лишать ее сна. Бессонница чрезвычайно вредна! Поэтому сегодня я расскажу вам историю не столько страшную, сколько поучительную!

Доктор удобнее расположился в своем огромном кресле, его худое лицо искажал неверный свет стоявших на столе свечей, черные глаза блестели, а полные губы украсила улыбка, показавшаяся Мэри зловещей. Лорд принужденно рассмеялся, отбросив с высокого лба непослушный локон. Клэр заморожено следила за каждым жестом Байрона. Перси вздохнул, приготовившись к очередному «занимательному» рассказу из богатой практики Полидори, или же, в лучшем случае, к

вольному пересказу немецкой новеллы о неприкаянной душе.

— Вы, конечно, знаете, мои дорогие друзья, что я являюсь поклонником, и в какой-то степени учеником, своего великого соотечественника Луиджи Гальвани...

— Умоляю, доктор! — замахал руками мистер Шелли, — Только не об отрубленных лягушачьих лапках, оживающих от электричества!

— Разумеется, речь пойдет не об этом, Парцифаль, — холодно ответил поэту доктор.

Изучая красивое лицо мужа, Мэри в который раз подумала, что супруг ее гораздо более романтичен, чем умен.

* * *

— Жестоко, — заметила кукла, — неужели Перси так быстро наскучил тебе? Ты полюбила его, сбежала с ним...

— Да, это так, — ответила женщина, — но побег — это тоже скорее романтический, чем умный поступок. И не забывай — я была безоблачно юна. И очень красива. А любовь... я не знаю!

— Ты и сейчас красива. А что произошло — я знаю! — заявила кукла, прыгая на одной ножке вокруг чернильницы, — Его стихи, глаза, слова! Ты

влюбилась в Образ, а это все равно, что влюбиться в меня. Такой интересный опыт обязательно закончится весьма печально.

— Почему же? — спросила у неё Мэри, улыбнувшись.

— Если влюбляешься в Образ, всегда надо быть готовым к тому, что однажды совершенно незнакомый тебе человек заговорит с тобой чужим голосом...

2

— Будучи почитателем таланта этого великого ученого, я собирал и тщательно документировал всю информацию о нем. Некоторые рассказы были откровенной выдумкой, особенно те, что касались его личной жизни. В некоторых были крохи правды, а некоторым можно было верить. Сейчас я поведаю вам историю, интересную саму по себе, и неважно, правдива ли она, или же это очередной вымысел. Мне рассказал ее бывший слуга Гальвани — Наполеоне.

— Наполеоне? — рассмеялся Байрон, — Какая прелесть!

— Да, Наполеоне. Я случайно встретил его в Европе. Во время службы у мэтра он был еще совсем молодым человеком. В ту пору ученый жил в Генуе. И, как и положено престарелому и

богатому генуэзцу, Гальвани имел молодую красивую любовницу по имени Орнетта.

Теперь расхохотался Перси, но Джордж даже не улыбнулся, лишь покачал головой. Мэри оценила этот элегантный жест. Клэр не сводила глаз с великого поэта, казалась, его реакция на рассказ доктора интересует ее гораздо больше, чем сама «поучительная история».

— Сначала у любовников все было хорошо, жена Гальвани большую часть времени проводила в путешествиях, так что им никто не мешал. Орнетта была полноправной хозяйкой в большом доме ученого. Но, со временем, разница в возрасте и непомерные аппетиты этой взбалмошной девицы сделали свое дело. Любовники начали ссориться: все чаще, все сильнее. Несколько раз Наполеоне был свидетелем откровенно безобразных сцен. За скандалами следовали примирения, бурные, но, увы, кратковременные. И вот однажды Гальвани попросил слугу принести графин вина в его кабинет. Там Наполеоне застал не только хозяина, но и Орнетту, беснующуюся, словно фурия. Оставив поднос, он поспешил выйти, но страшный грохот и дикий крик за дверью заставили его замереть на месте. Через секунду появился Гальвани. Облик великого ученого был ужасен.

— Он прикончил ее? — напрямую спросил Байрон.

Доктор поморщился, но не стал тянуть с ответом.

— Да, именно так, мой дорогой друг. Он убил свою любовницу.

Мэри вздохнула. Ей было жаль девушку.

— В приступе ярости Гальвани ударил ее ножом для препарирования. Короткий клинок из прекрасной стали сломал ей ребра и пронзил сердце.

— Весьма поучительно... — начал мистер Шелли.

— Да подождите вы, Перси! — перебил его лорд, — Это еще не конец, верно, Джон?

Полидори кивнул.

— Наполеоне был в ужасе от увиденного, он ждал, что хозяин пошлет его за представителями закона, а сам отправится к своим покровителям в надежде получить у них защиту и прощение. Но, вместо этого, Гальвани попросил слугу уложить труп на диван и подготовить приборы, которые использовались для опытов над мертвой материей.

— Боже мой! — воскликнула Мэри, — Он поступил с ней, как с мертвой лягушкой!

Доктор укоризненно посмотрел на мисс Годвин и замолчал.

— Простите меня, Джон. Я не смогла сдержаться...

— Хорошо. Я продолжу, если никто не возражает.

Никто не возражал. Все заворуженно смотрели на рассказчика. Даже детское лицо Перси было странно серьезным, даже лорд сбросил свою маску, даже Клэр...но нет, Клэр по-прежнему смотрела только на Байрона.

— Собственно говоря, больше ничего внятного Наполеоне мне не сказал. Как только он добирался до гибели девушки, беднягу начинало трясти, глаза его закатывались, он заикался и немел от страха. Я уже упоминал, что в пору служения у Гальвани он был совсем молодым человеком, я же беседовал с глубоким стариком, дряхлым и совершенно седым. А ведь Наполеоне совсем немногим старше меня!

— Не интригуй, Джон, — спокойно попросил Байрон, — кое-что тебе все-таки удалось из него вытянуть.

— Именно «кое-что», лорд. Собрав воедино обрывки его искаленной памяти, я понял, что эксперимент с оживлением Орнетты завершился великим триумфом науки. Ужасно, что свидетелем этого был только один напуганный человек, и вместо торжественных речей в кабинете звучал осторожный, преступный шепот! Однако сам процесс воскрешения Наполеоне или не смог вспомнить, или не захотел вспоминать. «Сначала

она была послушной» — бормотал слуга, опорожня бокал за бокалом, но оставаясь абсолютно трезвым. Я понял, что Орнетта чувствовала себя неплохо, позже Гальвани даже ездил вместе с ней на воды.

— Какой ужас! — прошептал Перси Шелли.

— Согласен. Это весьма странно. Но, довольно скоро, девушку начала одолевать непонятная тоска, часами она сидела на полу в своей комнате, кажется, бедняжка даже задавала слуге какие-то вопросы, на которые он не решался ответить. Да, я не упомянул об еще одном важном обстоятельстве! Орнетта начисто забыла все, что произошло в тот злополучный вечер, с того самого момента, как вошла в кабинет Гальвани. Убийство и воскрешение удалось сохранить в тайне. Но через несколько месяцев жуткая депрессия полностью овладела существом, она перестала выходить из дома, плакала, умоляла доктора сделать что-нибудь... Девушка была уверена, что с ней произошло что-то страшное и необъяснимое.

— Именно так, — сказал Байрон, — сначала ее лишили жизни, а потом и души.

— Возможно, вы правы. За несколько лет до кончины Гальвани его дом в Генуе полностью сгорел. Сам ученый спасся только чудом, но все его труды и приборы погибли. По словам Наполеоне, это Орнетта подожгла дом — пожар начался в ее

комнате. Несчастное создание положило конец своему страшному существованию, заодно уничтожив все, что сделало ее такой. Вот и вся история.

— Вот теперь, Перси, вы можете закончить свою тираду о поучительности. Мораль лежит на поверхности, — неожиданно зло бросил другу Байрон.

— И какова же она? — спросила Мэри лорда, а не мужа.

— Никогда не пытайся играть с Господом в его игры! Как бы велик ты не был, все равно проиграешь.

— Какая страшная сказка, — тихо сказал Перси, будто не услышав Джорджа, — действительно, страшная!

— Я уверен, что тот, кто запишет рассказ доктора, обретет подлинное, а не мнимое бессмертие, — подвел итог Байрон, слегка поклонившись Мэри.

* * *

— Как же я завидую вам, людям! — вдруг воскликнула кукла, — У вас есть память. Вы можете вспомнить все, что захотите, заново пережить любой момент своей жизни. Почувствовать запах, увидеть цвет, ощутить прилив

счастья или холод потери! В моей пустой голове воспоминания не задерживаются. А если и остаются — то это всего лишь бесплотный, далекий, серый туман. И нет в этой мгле ничего, что могло бы заставить меня смеяться или плакать...

— А я завидую тебе, кукла, — тихо ответила ей Мэри.

3

Друзья разошлись по своим комнатам. Не было привычных шуток и пожеланий добрых снов. Только Клэр, невнимательно слушавшая рассказ Полидори, весело щебетала Джорджу о своей прошлогодней поездке в Италию, пока тот не закрыл перед ней дверь своих апартаментов. До рассвета оставалось всего несколько часов, но Мэри никак не могла уснуть. Страшная история доктора окутывала ее туманом ужасных подробностей, а слова лорда о бессмертии волновали воображение...

Какой-то шум в коридоре заставил мисс Годвин подняться с кровати, зажечь свечу и выйти из комнаты. Дверь в покои Джорджа Байрона была распахнута настежь. После секундного колебания, девушка заглянула в убежище поэта. В комнате никого не было. Кровать расправлена, листы

бумаги и кувшин с бальзамом на низком дубовом столике. Белая рубашка с кружевным воротом валяется на полу. И не души. Мэри хотела войти, но на втором этаже вдруг громко хлопнула дверь. Ветер погасил свечу. Она испугалась.

— Это дверь в кабинет доктора, — прошептала девушка, обращаясь к самой себе, — поднимусь к нему и выясню, что происходит!

Мисс Годвин не понимала, почему ей так страшно. Причин для этого не было, лорд просто вышел, а дверь мог захлопнуть сквозняк, или же сам Полидори. Конечно, это виноваты сказки, которыми она заслушивается ночами! Поднявшись по лестнице, Мэри очень удивилась тому, что и не подумала разбудить Перси. Мэри, Мэри, ты упряма...

После осторожного, а потом и более настойчивого стука, дверь в кабинет приоткрылась. Доктор удивленно смотрел на ночную посетительницу.

— Что случилось, Мэри? Вам нехорошо?

— Со мной все в порядке, Джон, но я слышала шум в коридоре, вышла и обнаружила, что дверь в комнату Байрона распахнута настежь, внутри — никого. А потом хлопнула ваша дверь, и я подумала...

— Я выходил подышать, простите, что разбудил вас. Джордж, вероятно, последовал моему примеру.

— Так вы его не видели?

— Нет, миссис Шелли. Идите спать. Если хотите, я вас провожу. Уверен, лорд скоро...

Мэри никогда не понимала, откуда, из каких глубин, к ней поднимается эта молниеносная уверенность и энергия, граничившая с абсолютным безумием. Она толкнула доктора с такой силой, что тот отлетел внутрь кабинета. На бордовой дамской софе, лицом вниз, лежал лорд. Байрон был мертв. Белую ночную рубашку поэта безнадежно испортили огромные пятна крови, из глубокой уродливой раны на спине только что извлекли клинок. Оружие лежало рядом, на письменном столе. Это был его собственный кинжал, которым убитый очень дорожил и гордился. Кажется, его подарил ему какой-то знатный перс...

— Убийца! — тихо обвинила Мэри. Без истерических ноток и удивления, которое так некстати проскальзывает в подобных восклицаниях.

— Нет, Мэри! — решительно возразил доктор Полидори, — Ты все неправильно поняла. Я не убивал Джорджа, он был моим другом!

— Тогда что это такое?

Мисс Годвин смотрела в черные глаза Джона — и не понимала. Он не врал, она чувствовала. Что

происходит в этом уютном коттедже, в мгновение ока ставшим могилой великого поэта и логовом монстра?

— Я не могу тебе сказать, так как дал обещание.

— Ты покрываешь преступника, или морочишь мне голову?

Мэри схватила Полидори за рукав цветастого халата и рванула к себе с такой силой, что ткань затрещала. Девушка была готова ударить друга, схватить за горло, поднять с пола кинжал и приставить лезвие к пульсирующей синей жилке на шее доктора. Она была готова на все, лишь бы последователь Гальвани сказал правду. Но Джон молчал.

— Это сделала я, Мэри, — тихо сказала Клэр, выходя из темного уголка кабинета, — это сделала я!

Клэр всхлипывала на плече у сестры, а Мэри машинально поглаживала ее светлые мягкие волосы.

— Он отверг меня, Мэри, в который раз отверг! Унизил, растоптал, смешал с грязью! В который раз, Мэри...

Мэри заметила, что на худенькие плечи Клэр наброшен еще один шелковый халат Полидори, такой же яркий, как и на докторе. Значит, это ее ночная рубашка валяется на полу в комнате

Байрона. В кабинет Джона мисс Клэрмонт явилась голой.

— Я знаю, ты предупреждала меня — он не может принадлежать одной женщине. Я не слушала тебя, я любила. Джордж оскорбил меня, я пришла в ярость, ударила, когда он отвернулся. Я не помню, откуда у меня в руке взялся кинжал, честное слово, Мэри, я не хотела убивать его!

— Она впала в безумство, — заметил доктор, — когда же Клэр осознала содеянное, то притащила тело ко мне в кабинет. Не понимаю, как смогла хрупкая девушка справиться с такой задачей. Это можно объяснить только ужасом, которой часто придает нам силы... Увы, Джордж умер мгновенно. Я не мог помочь ему.

— Но зачем эта ложь, Джон? Неужели вы не понимали, что вам не удастся скрыть гибель лорда Байрона ни от меня, ни от кого-либо другого?

— На самом деле, Мэри, мы с Клэр полагали, что все-таки удастся.

Миссис Шелли все поняла. Она отстранилась от сестры, взяла Клэр за плечи и заглянула в ее голубые, пустые глаза.

— Милая моя, что тебе наговорил этот фанатик? Неужели ты поверила хоть одному слову из его глупой сказки? Клэр, человека нельзя воскресить из мертвых!

— Можно, — спокойно ответил за Клэр доктор Полидори, — более того, я знаю, как это сделать. Не зря я столько лет изучал труды Гальвани...

— Замолчите! — крикнула девушка.

Она не знала, что ей сказать, что сделать, чтобы погасить блеск в глазах Джона и пробудить сестру от страшного сна.

— Даже если это возможно, все равно этого делать нельзя! Вспомните слова Джорджа! Сначала у Орнетты отняли жизнь, а потом и душу! Я не дам вам проделать то же самое с моим другом!

— А как же я, Мэри? — тихо спросила Клэр, зябко кутаясь в легкий халат, — Что будет со мной? Меня будут судить, понимаешь? Представь, с какими лицами меня будут слушать чопорные судьи в своих идиотских париках! Эта девка соблазнила Байрона, а когда он отказал, хладнокровно убила его! Именно так они и решат. Меня осудят, Мэри. Осудят и казнят!

— Если Джордж прав, — добавил Полидори, — то его бессмертной душе ничего не угрожает. Она будет находиться там, где ей и положено. А о теле мы позаботимся. Но ведь вы атеистка, Мэри, и не верите в такой исход. Мы совершим настоящую революцию, и не только избавим Клэр от виселицы, но и вернем к жизни

гения, чье дарование подарит миру еще множество шедевров. Разве это не благо, Мэри?

— А если он закончит так же, как Орнетта?

У девушки почти не осталось сил, она опустилась в кресло, стараясь не смотреть ни на друзей, ни на софу.

— Я полагаю, что Орнетта впала в депрессию потому, что доктор Гальвани мало ей занимался. Он совершенно не учел особенностей ее состояния. И, когда она начала доставлять неприятности, просто запер ее в доме, а потом и в комнате. Мы никогда не поступим так с Джорджем! Он будет под постоянным присмотром, под постоянной опекой, пока не восстановится полностью.

— Я буду его сиделкой, Мэри! — горячо воскликнула Клэр, — Я буду следовать за ним повсюду!

Миссис Шелли закрыла лицо руками.

— Насколько я понимаю, можно начинать, — осторожно заметил доктор, — сейчас мне необходимо зашить раны Джорджа. Это надо сделать как можно быстрее. С этим делом я разберусь сам, но потом мне понадобится ваша помощь.

Мэри спустилась в свою комнату. Перси спал сном младенца. Девушка переоделась, тихо закрыла за собой дверь, зашла в покои Байрона, забрала белье сестры, заправила постель. Вернувшись в

кабинет доктора, она села в кресло в углу и осторожно наблюдала за манипуляциями Полидори, стараясь не смотреть на Клэр. Пока Джон кромсал и сшивал тело поэта, Мэри, чтобы хоть немного защититься от происходящего, напевала свою любимую детскую песенку.

«Мэри, Мэри, ты упряма!»

Мэри повесили, и если кто-нибудь узнает о том, что они творят, такая же участь ожидает не только Клэр Клэрмонт и Джона Полидори, но и еще одну маленькую, упрямую Мэри.

— Кончено! — воскликнул Джон, — Однако у нас мало времени. Светает. Мэри, что мы будем делать с Перси?

— Ничего не будем, — безучастно ответила она, — Перси, как обычно, будет спать до обеда. Прислуга придет не раньше, чем через три-четыре часа.

— Хорошо! Теперь помогите мне.

Вместе они перевернули тело Байрона на спину, после чего доктор достал из своей дорожной сумки длинные стальные иглы. Игл было не менее десяти, и каждую из них Джон с силой вонзал в Джорджа. Иглы входили в труп с отвратительным хрустом. Мэри отвернулась не от страха, она не хотела видеть мертвые глаза поэта. Полидори сдернул чехол с тяжелого ящика, который привез с

собой из Лондона. Перси говорил жене, что это необходимо доктору для его опытов.

— Это батарея, — коротко объяснил он девушкам, — ток пойдет к иглам по проводникам.

Из той же сумки он извлек несколько небольших мотков проволоки, соединил их с ящиком, а свободные концы закрепил на торчащих из тела иглах. Мэри почти не помогала, настолько была опустошена, зато Клэр принимала самое активное участие в манипуляциях Джона.

— Готово! — доктор закатал рукава своей испачканной кровью рубашки, — Теперь — главное. Он достал из ящика письменного стола небольшую, плотно закрытую бутылку с синеватой жидкостью, шприц и иголку.

— Что это? — с детским любопытством спросила Клэр.

— Главный ингредиент! — улыбнулся Полидори, — Я назвал его «Эликсир Луиджи». Одного электричества мало. Гальвани тщательно шифровал свои записи, но я понял, как воссоздать эту субстанцию, способную воскрешать не хуже Иисуса!

— Это сработает?

— Уверен, что сработает, моя милая мисс Клэрмонт. Во всяком случае, это вернуло к жизни не один десяток лягушек!

Мэри усмехнулась. Доктор ввел синюю жидкость в вену покойника.

— Отойдите назад! — приказал он девушкам, — Медлить нельзя, надо пускать ток!

Сестры послушно отошли к двери, Клэр обняла Мэри и отвернулась. Мэри пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не оттолкнуть ее, не заплакать, и не выскочить из кабинета. Джон Полидори чувствовал себя если не Богом, то его главным заместителем на Земле. Он что-то бормотал, быстро раскручивая прилаженную к батарее ручку, его непослушные черные кудри топорщились, как грива демона, безумный облик ученого дополняли блестящие глаза и нервно трясущиеся длинные белые пальцы. По проволокам, от ящика к иглам, побежали искры. Доктор крутил ручку все яростнее, все быстрее. Батарея загудела, комната наполнилась неприятным запахом, искры слились в один сплошной электрический поток, подбрасывающий и бьющий тело несчастного Джорджа. Мэри зажмурилась. Что-то громко хлопнуло, из ящика повалил едкий дым, Полидори отскочил от батареи и распахнул окно. Свежий ветерок с Женевского озера нежно просил девушку открыть глаза. Утреннее солнце лениво заглядывало в темную комнату, подарив немного света и тепла измученным людям, которых отныне связывала одна страшная тайна. Джордж

сидел на полу, с удивлением и ужасом рассматривая вонзенные в его тело иглы.

— Что это, Мэри? — тихо спросил воскресший поэт. Мэри долго вспоминала этот вопрос, как и этот взгляд. Она так и не поняла, что именно хотел узнать ее друг.

— Как вы себя чувствуете, дорогой мой? — Полидори опустился на колени перед Байроном, заглянул в глаза, проверил пульс.

— Не знаю, Джон. Страшно болит спина. Боже мой, друг, откуда во мне эти иглы? Что случилось?!

Было столько обиды и отчаяния в этом вопросе, что и железная Мэри не выдержала. Она не заплакала, только отвернулась и до крови прикусила губу. Клэр бросилась к поэту и обняла его.

— Мой милый, произошел несчастный случай. Ты упал в своем кабинете и напоролся на этот ужасный кинжал! Хорошо, что мне не спалось, я услышала шум и прибежала к тебе. Вдвоем с Мэри мы перенесли тебя в кабинет доктора, и Джон сделал все возможное, чтобы спасти тебе жизнь.

— Понадобилась небольшая операция, Джордж, все-таки клинок довольно сильно поранил тебя, — добавил Полидори, извлекая из тела лорда иглы, — но ты поправишься, обещаю!

— Спасибо, — чуть слышно прошептал Байрон.

— Благодарю не меня. Если бы не Клэр и Мэри, ты бы не выжил.

Поэт слабо улыбнулся девушкам. Вместе они уложили Байрона на кровать доктора. Через несколько секунд он уснул.

— Что с ним? — испугалась Клэр.

— Все в порядке, это действие эликсира, — успокоил ее доктор, — некоторое время он будет очень слаб, его организм заново привыкает к жизни. Но Джордж невероятно крепок телом и рассудком, он скоро пойдет на поправку. Единственное, что ему сейчас нужно, это постоянное наблюдение, уход и забота. И, конечно, общение с друзьями.

— В таком случае, — улыбнулась Джону Клэр, — я надеюсь, вы не будете возражать против моего частого присутствия в вашем кабинете?

— Я буду рад любой помощи! — улыбнулся в ответ Полидори.

Мэри ушла. Вернулась в свою комнату, легла, не раздеваясь, в постель к мирно спящему Перси. Девушке приснился сон, бесконечно долгий сон, как будто это ее убили, а Джордж уговаривает Клэр и доктора вернуть ее к жизни. Он кричит, угрожает, а Мэри смотрит на происходящее откуда-то сверху, и просит Байрона не делать этого, потому что здесь,

наверху, ей по-настоящему хорошо. Но лорд не слышит девушку, он ничего не слышит.

* * *

— Иглы? Ящик? Дым? — кукла смотрела на женщину с недоумением, — В твоём романе воскрешение проходило намного более эффектно!

— Таковы законы жанра, — улыбнулась Мэри, — но реальность страшна и без адских машин или гниющей плоти.

— Какие же вы странные — люди, — задумчиво произнесла кукла.

— Почему, маленькая?

— Я старше тебя, вот почему. Создатель выбрал для меня очень хрупкий материал, я слабее и уязвимее любого человека. Но все, кто владел мной, считали своим долгом беречь и защищать фарфоровую куклу. Если бы вы так же относились друг к другу, библейские старцы взвыли бы от зависти. И теперь я понимаю, почему твой выдуманный Монстр был сшит из нескольких кусков! В кабинете доктора вас было четверо...

4

В течение двух последующих недель, жизнь постепенно утрачивала для Мэри свои яркие,

детские краски. Байрон поправлялся не по дням, а по часам. Уже на следующий день после «несчастливого случая» он вышел из дома полюбоваться закатом. Еще через несколько дней они катались на лодке по серой глади озера. Физически Джордж полностью окреп через неделю. Доктор Полидори объяснял это жаждой жизни поэта и действием «эликсира Луиджи». Даже ужасная рана на спине полностью затянулась, как и следы от острых игл. Однако прежнего Байрона никто вернуть не мог. Веселого молодого человека, полного энергии, вдохновения, и честолюбивых планов, сменил робкий юноша, почти ребенок, доверяющий только доктору и своей сиделке Клэр. Полидори уверял Мэри, что это пройдет, что такое состояние естественно для шока, испытанного головным мозгом, однако миссис Шелли не верила ни одному его слову. Глядя в по-прежнему мертвые глаза Джорджа, девушка понимала, что они переступили ту грань, которую нельзя переходить никогда и никому. Истово веря в возможное бессмертие, она окончательно разуверилась в воскрешении. Лишь один раз друг напомнил ей о себе — о себе прежнем. Однажды вечером он подошел к Мэри, одиноко стоявшей на берегу, взял за руку и тихо сказал:

— Мне кажется, это рана сильно изменила меня, Мэри. Не знаю, почему, но мне очень

страшно. Мой добрый друг Полидори говорит, что это ненадолго...но, знаешь, иногда я ловлю себя на странной мысли, что умереть было бы правильной.

Мэри пронзительно захотела обнять его и сказать что-то очень важное, что-то такое, что повернуло бы время вспять. Но к ним подошел Джон и она промолчала. А Перси? Перси ничего не замечал. Конечно, он сочувствовал другу, и искренне радовался, когда тот стал выходить с ним на прогулки. Но он не видел ни мертвой тоски в глазах Байрона, ни его неуверенной походки, ни вялых, сонных жестов. Мэри задавалась вопросом, а способен ли мистер Шелли вообще замечать что-либо, кроме собственной персоны? Мисс Клэрмонт наслаждалась обрушившимся на нее счастьем. Она щебетала и порхала, как яркая птичка, случайно залетевшая на этот серый берег. Байрон слушался ее беспрекословно, мало того, он сам повсюду следовал за ней. Уверенный, что это она сохранила ему жизнь, поэт проявлял крайнюю привязанность к своей спасительнице и сиделке. Когда Перси, глупо улыбаясь, сообщил Мэри, что у Джорджа и Клэр роман, так как они вдвоем перебрались в его покои, миссис Шелли восприняла эту новость почти безразлично.

— Что же, — сказала девушка, — рано или поздно это должно было произойти.

Мэри не испытывала ненависти или брезгливости. Было лишь немного обидно за жестоко обманутого друга.

Вскоре поэт и его новая возлюбленная решили покинуть Швейцарию.

— Мы поедem во Францию, — говорила Клэр, — туда, где есть солнце, и нет этого скучного дождя!

Доктор горячо одобрил их планы, заверив, что смена обстановки пойдет лорду на пользу. Он с легким сердцем отпускал пациента, так как с такой сиделкой прекрасный уход был обеспечен. Мэри запомнила это серое утро, тогда она в последний раз видела Байрона. Джордж сидел в карете, прячась от так пугавшего его дождя, и нетерпеливо выглядывал на улицу, ожидая Клэр. В его глазах страх быть покинутым смешивался с болезненной, звериной мольбой. Мистер Шелли балансировал на подножке и рассказывал другу глупый анекдот про парижанок.

— Они едут в Монпелье, Перси! — пытался урезонить его доктор, но тот не слушал. И Байрон его не слушал. И Мэри вдруг перестала слышать и видеть...

Клэр выпорхнула из коттеджа в красивом бежевом платье, взяла сестру под руку.

— Ну вот, моя дорогая, — тихо сказала мисс Клэрмонт, — видишь? Все получилось самым

наилучшим образом! Я счастлива и, надеюсь, ты счастлива тоже! Милый Джордж жив, здоров, и под присмотром! Но ему, конечно, будет не хватать ваших долгих бесед, так что обязательно навестите нас не позже, чем через месяц!

— Да, сестра, — ответила Мэри, — все получилось самым наилучшим образом. Для тебя. Скажи мне, когда ты это придумала?

Клэр убрала руку и удивленно посмотрела на Мэри.

— Убить Джорджа и воскресить его? Конечно, во время рассказа Полидори!

— Неужели ты не слышала, что произошло с Орнеттой, Клэр?

— О, нет! — рассмеялась мисс Клэрмонт, — Я внимательно слушала только до слов слуги: «Сначала она была послушной!» Ничего другое меня не интересовало!

— Неужели ты настолько безумна? Что, если бы у доктора не получилось?

— Он всю жизнь положил на изучение трудов Гальвани! У него не могло не получиться! К тому же, на меня всегда производили сильное впечатление его фокусы с дергающимися лягушачьими лапками. Если вышло это — выйдет и остальное. Но, пожалуйста, не думай, что я только и делала, что лгала! Я действительно пришла к лорду, чтобы соблазнить его. Он отказался от меня,

повернулся спиной. Этого не следовало делать. Я знала, где лежит его кинжал. А остальное знаешь ты. Было очень тяжело тащить труп по лестнице и ломать комедию перед Полидори, но моя обнаженная грудь усыпила бдительность нашего доктора, он не заметил фальши.

Клэр снова рассмеялась, громко и заразительно. Мужчины повернулись, Клэр весело помахала им рукой, Байрон жалобно улыбнулся в ответ.

— Он посвятит мне поэму, Мэри. Мы будем путешествовать, он исполнит все мои желания, угодит каждому капризу! Знаешь, как это весело, повелевать гением?

— Это не Байрон, Клэр. Это лишь его копия.

— И пусть! У тебя нет и копии! Если, конечно, не считать этого дурака — Перси!

— Что ты будешь делать, когда это жалкое, потерянное существо наскучит тебе? Или начнет доставлять неприятности? Ты подумала об этом?

Клэр на секунду задумалась.

— Я еще не придумала. Но я его хозяйка, а потому не стеснена в средствах. Может быть, отправлю его на войну, где он найдет свою окончательную и последнюю смерть. Не смотрите на меня так, мисс Годвин! Ах, простите — мнимая миссис Шелли! Помните, что в том кабинете кроме меня и доктора были и вы...

— Этого я никогда не забуду, — ответила Мэри.

Она подошла к карете, поцеловала Байрона в щеку, и вернулась в дом, больше ни слова не сказав сестре.

Мэри написала новеллу об ожившем трупе, так как не могла избавиться от мучившей ее тайны иным способом. Конечно, это была история, сильно отличавшаяся от истины, но правду она написать не осмелилась. Перси горячо одобрил ее работу, и вскоре вместо новеллы Мэри издала роман. Известие о гибели Байрона миссис Шелли восприняла спокойно, так как была убеждена, что ее друг давно находится в мире, в который она так и не смогла поверить, но страстно желала, чтобы он существовал хотя бы для одного Джорджа. Мэри больше никогда не видела доктора Полидори и сестру. Но, спустя много лет после той страшной ночи, она получила письмо. Клэр написала ей из Италии, где решила провести остаток своих дней. Она была больна и несчастна, но среди жалоб были строки, запомнившиеся Мэри Шелли.

«...Мэри, кажется, теперь я понимаю природу истовой привязанности того, «нового» Джорджа ко мне. Его душа покинула тело, и слилась со светом далекого маяка, на недоступном для нас берегу. Утратив душу то, что осталось от Джорджа, стремилось найти частичку любви в любом

человеке, встреченным на пути. Я проявила высшую жестокость, убив его, преступную — воскресив, и непростительную — оттолкнув от себя этого ребенка, послушно отправившегося на бойню, лишь бы угодить своей жестокой матери. Я много думала о том хладнокровии, с которым доктор Джон воскрешал друга. Сначала мне показалось, что он возомнил себя Богом. Но нет, дорогая Мэри, он оставался врачом, исцеляющим больного от страшного недуга — смерти. Полидори намного чище и благороднее меня, и твой Виктор Франкенштейн совсем на него не походит. Франкенштейн! Какое темное, зловещее имя!

Я молю Бога, чтобы Джону никогда больше не пришлось в голову совершить нечто подобное. Страшно представить, на что способны бездушные существа, слепо повинующиеся своему господину. Мне же нет прощения, как не будет и покоя. Но, поверь мне, Мэри, даже бесконечно горя в самой глубокой яме ада, в который ты не веришь, моя душа не исторгнет не единого стога жалости к себе. Это то искупление, которого нет, но которое непременно будет. Поверь, дорогая Мэри, ад есть. Если ты поверишь в это, то сможешь поверить и в рай».

Мэри не ответила Клэр.

— Вот и вся история, кукла, — тихо сказала женщина, — а теперь мне надо отдохнуть. Призраки утомили меня.

— И всё же... Ты любила его?

— Глупенькая! Его любили все...

Когда Мэри уснула на своей маленькой, детской кроватке, скучающая кукла тихо заговорила с ней, не желая разбудить, и не ожидая ответа:

— Свет далекого маяка всё сильнее манит тебя. Я тоже умру — но не так, как умираете вы. Попробуй представить, поверить: то, что ты делаешь сейчас, это не только завтра, через месяц, или через год. Это — последний миг твоей жизни, в котором сольется всё: и радость, и печаль, и боль, и счастье, и одиночество. В последнее мгновение ты выберешь, что взять с собой в следующую жизнь. Кажется, это так просто — создавай, люби, будь счастлива, лети дальше! Но, я знаю, что ты выберешь, Мэри. Я знаю...

Сердце лидера

Лидер поднялся на трибуну. Облик его внушал уважение и страх даже тем, кто видел его

впервые. Светлые глаза лидера горели неугасимой верой, взгляд вспарывал души, как скальпель кожу. Рядом — его верные друзья и соратники, торжественно-строгие в черных плащах, с застывшими, как маски, лицами. Лидер поднял руку — толпа затихла. Он заговорил. Его слова легко входили в сознание людей, многократно усиленные искусственным эхом микрофонов. Лидер ненавидел, негодовал, призывал, обращал. Он обнимал, любил и вел за собой каждого человека на площади, а они боготворили его. Он играл на тайных струнах смущенных душ, он был настоящим лидером.

Толпа кричала и аплодировала, когда он позволял им, и послушно замолкала, подчиняясь короткому приказу. Он был для них всем, почти что богом, в которого хотелось верить, за которым хотелось идти даже на смерть. Но сегодня слов было недостаточно. Настал момент — необходимо пересечь запретную черту, шагнуть в бессмертие, отринуть иллюзорное, недолгое лидерство и обрести подлинную, вечную власть! Лидер разорвал на груди черную рубашку, его соратники, скинув плащи, последовали его примеру. Над огромной площадью раздался треск — мужчины и женщины в экстазе рвали одежду. Все, как один — не ведая цели, не задумываясь и не колеблясь ни

одного мгновения. Обнаженная толпа жаждала продолжения.

И он продолжал говорить. Но теперь слов было не слышно, они слились в пронзительный, взывающий к темным силам вой, и толпа взывала вслед за ним. Лидер сорвал остатки лохмотьев с торса, вонзил ногти в кожу на груди и, вырвав кусок собственной плоти, бросил его под ноги. Затем еще, еще и еще. Через несколько мгновений он и его друзья обратились в монстров с кровавым месивом вместо человеческих лиц и тел. Толпа следовала его примеру с истовым рвением. Опьяненные массовым гипнозом, люди не чувствовали боли, не могли не подчиниться. Лидер, сломав руками ребра, проник в грудную клетку и вырвал свое истекающее кровью сердце, которое тут же вспыхнуло черным пламенем. Толпа заревела от восторга и, послушная его воле, повторила страшный ритуал. Тысячи пылающих сердец, поднятых над головами, светили своему богу. Они готовы были идти до конца — обнаженные, окровавленные, бессмертные, соблюдая страшную клятву, данную в этот день.

Он замолчал, рев мгновенно стих. Лидер смотрел в одну точку огромной площади, и тысячи изувеченных голов повернулись туда, связанные с его помыслами железной волей и проклятьем. Его сердце полыхало в вытянутой вперед руке, но во

взгляде было нечто, встревожившее его последователей. Молодая девушка, маленькая и хрупкая, испуганно смотрела по сторонам. Ее бледное лицо, не лишенное кожи, странно выделялось на фоне кровавых масок. Тонкие руки девушки придерживали разорванную на груди одежду. Ее плечи поникли еще сильнее, когда она поняла, что все смотрят только на нее. Лидеру это не понравилось. Он начал спускаться с высокой трибуны, не отрывая немигающих глаз от единственного человека с сердцем в груди. Девушка испугалась, но не отступила, только руки все сильнее сжимали ворот разорванной синей блузки. Он шел к ней и толпа послушно расступалась перед ним. За ним следовали его соратники, столь же обеспокоенные, как их властелин.

И вдруг ужасный крик, полной боли и отчаяния, пронзил затихшую толпу. У существ, стоявших рядом с девушкой, гасли сердца. Вместо ровного черного пламени они выпускали смрадный серый дым, а потом рассыпались в пепел. Толпа заволновалась, лидер ускорил шаг, он почти бежал. Но было поздно. Вслед за погасшими сердцами обращались в пепел люди. Со стонами и плачем рассыпались они в прах, перед окончательной гибелью вспомнив свои имена. Девушка в немом ужасе смотрела по сторонам, с ненавистью и

мольбой тянулись к ней сотни рук, но никто не мог дотронуться до нее. Десятки, сотни, тысячи исчезли у нее на глазах, вырвав себе сердце, и обратились в прах только потому, что она отказалась идти вместе с ними. В единении нет исключений. Ее сомнение обернулось смертью для толпы. Даже осознав, что все кончено, лидер пытался добраться до нее. Его верные друзья давно покинули этот мир, а он еще полз на рассыпавшихся в пыль руках. Он сгинул последним — у самых ее ног.

Маленькая девушка стояла на опустевшей городской площади и тихо плакала, скрестив руки на груди. Ветер лениво играл с пеплом, оставшимся от горящих сердец.

Папа

Однажды папа почувствовал себя плохо. Это случилось неожиданно, так как он обычно предупреждал о своем недомогании заранее. Такие сигналы поступали Авроре накануне: вечеринок, презентаций, праздников и дегустаций вин. То есть перед мероприятиями, где встречались ее отец и алкоголь.

— Дочь, — грустно сказал папа, — мне нехорошо.

— Этого не может быть! — ответила Аврора, — Разве ты вчера ходил куда-нибудь?

— В том то и дело, что нет. Но мне плохо. Ужасно болит голова и все, что ниже.

— Тогда тебе надо к врачу, — встревожилась девушка, — срочно! Тебя отвезти?

— Нет, я вызову такси. Поеду к Святому Петру. Пусть посмотрит, что со мной. Но ты имей ввиду, что твой отец не здоров. Всякое может случиться. Пока.

И папа повесил трубку, оставив Аврору наедине с тоскливым страхом. Впрочем, он довольно часто так делал. Девушка знала, что Петр Смертин — лучший друг отца. И худший врач в мире. И это не улучшало настроения. Оставалось только ждать и надеяться, что все это ерунда и обостренная коньяком ипохондрия. Но ждать большинство из нас не любит, а надеяться — не умеет.

Вечером Аврора приехала в холостяцкое логово отца, наплевав на этикет и подписанный кровью, ее успешно заменил кетчуп, договор о предварительном звонке. Квартира, которую папа купил после развода, была маленькой, уютной, в хорошем районе. После последнего визита дочери обстановка не изменилась, и пустые бутылки из-под дорогих напитков все так же оживляли лаконичный интерьер, оставляя круглые липкие следы на прекрасных рисунках отца. Художник спал на диване, по-детски подложив кулак под голову. Папа

был трезв, девушка это сразу определила. Так быстро и точно диагностировать состояние человека могут только дети пьющих родителей, выходцы из благополучных семей, боюсь, лишены этого сомнительного дара. Аврора с нежностью смотрела на мужчину, бесконечно любимого и опекаемого дочерью. Ему она простила и прощала все. Даже собственное имя, из-за которого ей здорово доставалось в школе. Роднее у нее никого не было. И сейчас, когда мама уехала с новым мужем, папа остался единственным близким Авроре человеком. Отец и внешне походил на художника, зачесанные назад длинные волосы с благородной проседью, аристократический прямой нос, тонкие, капризные губы. И огромные голубые глаза, формой напоминающие миндаль. Как у нее. Но все же она не так красива. Девушка подумала, что порой не замечает разницы в возрасте с собственным «предком». Все-таки сорок пять и двадцать пять, это вам не тридцать пять и пятнадцать. Они самостоятельные, умные, взрослые люди. Но это не портило их отношения. Так даже лучше.

Стараясь не шуметь, Аврора быстро привела квартиру-студию в порядок. Бутылки отправились в мусоропровод, расчищая место для будущих поступлений. Рисунки и наброски аккуратно улеглись в ящик письменного стола, а

разбросанные вещи перебрались в стиральную машину. Когда разрешенная договором уборка была закончена, девушка присела на корточки перед отцом и потянула его за длинный нос.

— Просыпайтесь, мнимый больной!

Папа открыл глаза. Улыбнулся улыбкой мученика.

— Привет. Приехала. Как там мама?

— О, да ты и вправду болен, раз спрашиваешь о матери! У нее все хорошо. Жалуется, что новый муж не дает ей жить прежней гламурной жизнью. Вот так. Теперь рассказывай.

Отец сел, обвел комнату прояснившимся взглядом.

— Ты опять убиралась. Зачем? Я же говорил тебе...

— Так, хватит тянуть! — Аврора хлопнула по полу ладошкой, — Начинай жаловаться!

— Что же, раз ты настаиваешь... у меня высокое давление. Сердце барахлит, плюс печень. И Петька сказал, что мне нельзя пить. Совсем.

Аврора встала, выпрямилась, сдвинула тонкие брови и заговорила голосом, полным мрачного негодования.

— Да как он посмел?! Презренный докторишка, коновал, шарлатан! Совсем нельзя пить?! Да это абсурдное утверждение противоречит всем основам медицины! Уж поверь мне,

маркетологу! Надеюсь, ты с презрением отвергнул его наглые посягательства на твою свободу? Дал ему пощечину? Вызвал на дуэль?

Отец строго взглянул на дочь, а потом снова улегся на диван.

— Если ты закончила издеваться и паясничать, то принеси, пожалуйста, своему бедному больному отцу чашку горячего чая. Меня что-то знобит.

— Слушаюсь, повелитель! — поклонилась Аврора, — Сию минуту!

Дочь вернулась в комнату с маленьким подносом, на котором уместились две желтые чашки, две серебряные ложки, зеленый чайник, хрустальная ваза с конфетами и черная коробочка, перевязанная алой подарочной лентой.

— Что это? — ожившим голосом спросил отец.

— Подарок для тебя. Открой! Нет, давай лучше я сама, ты ведь разорвешь упаковку в клочья. В коробочке лежал швейцарский нож.

— О! Вот это да! — громко и окончательно выздоровел художник, — Я давно хотел такую штуку! Спасибо, милая! Спасибо!!!

— Это тебе спасибо.

— За что?

— За то, что ты есть. И я очень рада, папа, что ты серьезно отнесся к словам врача. Тебе это пойдет на пользу, увидишь.

— А откуда ты знаешь, что я серьезно отнесся к болтовне «коновала»?

— Потому что ты рассказал об этом мне. Разве это не просьба о некотором дочернем контроле?

Отец вздохнул, поставил чашку на поднос.

— Ты очень хорошо меня знаешь. Слишком хорошо.

Когда чаепитие закончилось, Аврора сказала:

— Ты тоже можешь кое-что подарить мне.

— Только не обещания! Все что угодно, но никаких договоров и зарок. Я слишком слаб для этого!

— Танец. Подари мне одно танго.

Они танцевали под волшебную музыку, под мигающий неоновый свет за темным окном, под собственное дыхание. Аргентинское танго доступно только близким людям, любящим, чувствующим, понимающим желания друг друга. И время останавливается, чтобы не мешать танцорам. И танец может длиться бесконечно, потому что совершенство не признает точек и запятых. Но в дверь позвонили, грубо, безжалостно и бесцеремонно.